

Мартенс Федор Федорович

**Россия и Англия в Средней
Азии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 001
ББК 72
Ф33

Ф33 **Федор Федорович М.**
Россия и Англия в Средней Азии / Мартенс Федор Федорович – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 97 с.

ISBN 978-5-519-95577-5

ISBN 978-5-519-95577-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Англія по среднеазіатскому вопросу и условію правильного взаимнаго положенія этихъ державъ въ Средней Азій. Авторъ даетъ принципіальное рѣшеніе поставленнымъ имъ вопросамъ. Онъ исходитъ изъ основнаго начала международнаго права—международнаго правоваго общенія—и, анализируя этотъ принципъ, логически приходитъ къ слѣдующимъ двумъ главнымъ заключеніямъ: во-первыхъ, къ признанію непримѣнимости европейскаго международнаго права въ отношеніяхъ цивилизованныхъ націй къ народамъ необразованнымъ, каковы среднеазіатскіе; во-вторыхъ, къ требованію мирной совмѣстной дѣятельности Россіи и Англіи въ Средней Азій, направленной къ разрѣшенію тѣхъ ихъ задачъ, которыя сама судьба возложила на нихъ, какъ на представителей европейской образованности среди полудикаго населенія этой части Азій. Доказательства непримѣнимости къ варварскимъ среднеазіатскимъ народностямъ европейскаго международнаго права служатъ автору для объясненія политики Россіи и Англіи въ Средней Азій, по необходимости завоевательной. Естественно, что ненормальность и тягость такого положенія вещей заставляетъ желать возможно скорѣйшаго территоріальнаго соприкосновенія въ Средней Азій двухъ великихъ европейскихъ державъ, какъ условія замиренія и культуры среднеазіатскихъ земель, съ одной стороны, и безопасности и развитія мирныхъ сношеній по окраинамъ владѣній русскихъ и англійскихъ—съ другой. Съ научной точки зрѣнія, усвоенной авторомъ, къ другимъ выводамъ не возможно придти, и въ этой исходной точкѣ, и въ этихъ выводахъ заключаются главные достоинства, значеніе и оригинальность изслѣдованія г. Мартенса.

Въ русской печати, встрѣтившей вообще весьма сочувственно настоящее сочиненіе, между прочимъ, вы-

сказано было мнѣніе, что развитіе въ немъ взгляды имѣютъ больше значенія для науки, чѣмъ для практики, что они полны отвлеченности даже туманности. Научность взглядовъ г. Мартенса безспорна; но всякій истинно научный взглядъ есть въ тоже время и взглядъ практическій: иначе наука не была бы руководительницей практики. Тотъ, кто называетъ теоретическія положенія, развитія въ настоящемъ трудѣ, неприменимыми къ практикѣ, долженъ бы былъ доказать невѣрность ихъ основанія, или неправильность ихъ вывода изъ этого принципа. До тѣхъ поръ упрекъ въ непрактичности мыслей, выраженныхъ профессоромъ Мартенсомъ, не можетъ считаться доказаннымъ. Въ сущности, все онѣ сводятся къ одной идеѣ—необходимости для Россіи и Англіи, какъ *образованныхъ* государствъ, руководствоваться въ своихъ *взаимныхъ* отношеніяхъ въ Средней Азіи *европейскимъ международнымъ правомъ*,—правомъ, которое не совмѣстно съ преслѣдованіемъ исключительныхъ интересовъ, взаимнымъ недоувѣріемъ и враждой народовъ. Это глубоко вѣрная и практическая мысль, достойная ученаго представителя государства, политика котораго всегда отличалась правомѣрностью и которое такъ много оказало услугъ выясненію и точному опредѣленію началъ международнаго права.

Бар. К. Таубе.

С.-Петербургъ.
20 февралъ 1880 г.

РОССІЯ и АНГЛІЯ

въ

СРЕДНЕЙ АЗІИ.

Il faut une science politique nouvelle
à un monde tout nouveau.

A. de-Tocqueville.

Едва берлинскій конгрессъ положилъ конецъ опасеніямъ неизбежнаго столкновенія между Россіей и Англіей, вызываемаго различіемъ ихъ политики въ отношеніи Турціи, какъ новыя тучи затемнили политическій горизонтъ. Изъ глубины Средней Азіи Европа была наводнена массою телеграммъ, извѣщавшихъ о прибытіи въ Кабуль русскаго посольства съ порученіемъ заключить оборонительный и наступательный союзъ между Россіей и Афганистаномъ противъ Англіи, и объ отличномъ приѣмѣ, оказанномъ этому посольству государемъ Афганистана, эмиромъ Ширъ-Али.

Эти извѣстія распространились въ образованномъ мірѣ съ быстротою молніи. Они произвели глубокое впечатлѣніе, особенно въ Англіи. Англіискій парламентъ потребовалъ отъ правительства подробныхъ разъясненій относительно афганскихъ событій; англійская печать возобновила свой походъ противъ „интригъ“ и „вѣроломства“ Россіи въ Средней Азіи; дальновидные и рѣшительные люди объявляли, что война между Россіей и Англіей неизбежна и необходима. Англія, говорили они, не можетъ согласиться ни на какое вмѣшательство Россіи во внутреннія дѣла Афганистана, этой сосѣдней съ Остъ-Индіей страны.

Россія неоднократно давала формальное обѣщаніе не вмѣшиваться въ Афганистанъ, оставить эту страну подъ преобладающимъ, исключительнымъ вліяніемъ англійскаго правительства. Отправляя дипломатическое посольство въ Кабуль, русское правительство не сдерживало своего слова, нарушало свои обязательства. Война, объявленная Англіей Россіи, будетъ справедлива съ точки зрѣнія права и съ точки зрѣнія нравственности.

Приверженцамъ этого мнѣнія можно было бы отвѣтить, что если русское посольство могло съ триумфомъ вступить въ Кабуль, то только потому, что эмиръ Ширъ-Али желалъ допустить его въ свои предѣлы и принять его съ открытыми объятіями; можно было бы доказать безспорными фактами, что само правительство вице-короля Остъ-Индіи *заставило* эмира броситься въ объятія Россіи; наконецъ, по справедливости, можно было бы спросить, почему же Ширъ-Али не захотѣлъ ни за что въ мирѣ согласиться на принятіе въ свою столицу англійскаго посланца, а, между тѣмъ, оказалъ столь радушный пріемъ посланнику *Бн-лаго Царя*, отъ котораго онъ никогда не получалъ ни денежныхъ субсидій, ни доказательствъ тѣснаго союза въ формѣ военныхъ припасовъ, пушекъ и ружей?

Приверженцы войны съ Россіей оставили въ сторонѣ всѣ эти обстоятельства, какъ не имѣющія никакого политическаго значенія. Они рѣшительно и съ убѣжденіемъ утверждали, что афганскій эмиръ былъ не болѣе, какъ орудіе въ рукахъ Россіи; что его непріязненные дѣйствія противъ Англій совершены подъ давленіемъ непреодолимой силы; что Россія одна была виновата, что она была внушительницею недовѣрія и неблагодарности, выказанныхъ Широмъ-Али. Наказать виновнаго и оставить въ покоѣ подстрекателя было бы верхомъ несправедливости. Наконецъ, что столкновение между Россіей и Англіей въ Средней Азій было столь же несомнѣнно, какъ восходъ и закатъ солнца. Россія, только-что окончившая продолжительную и кровопролитную войну съ Турціей, была ослаблена и страдала многими ранами. Она была не въ силахъ оказать дѣйствительное и долгое сопротивленіе въ борьбѣ противъ Англій, и послѣдняя имѣла бы всѣ шансы разрушить однимъ ударомъ весь

восточный вопрос—и въ Европѣ, и въ Азіи—согласно-своимъ интересамъ и своимъ національнымъ стремленіямъ.

Россія или Англія должна управлять азіатскими народами—таковъ лозунгъ приверженцевъ рѣшительной англійской политики въ Средней Азіи. Поведеніе эмира осенью прошлаго года и ослабленіе Россіи послѣ турецкой войны представляли единственный и исключительно благопріятный случай, чтобы разрушить въ своемъ основаніи обаяніе Россіи въ Азіи и ея власть надъ присоединенными къ ней ханствами.

Однако, благодаря мудрости и хладнокровію англійскаго правительства, защитникамъ вышеупомянутаго взгляда не удалось поссорить двѣ великія державы, которыхъ божественное Провидѣніе предназначило для цивилизаціи дикихъ народовъ Азіи, для убѣжденія варварскихъ племенъ этихъ странъ, своею силою и духомъ справедливости, что уваженіе къ праву и развитіе мирныхъ и торговыхъ сношеній гораздо выгоднѣе имъ самимъ, чѣмъ грабительство, насилія и вѣчная война. Мнѣніе, что враждебныя мѣры по отношенію къ Россіи изъ-за появленія русскаго дипломатическаго посольства въ Кабулъ были бы столь же опасны для самой Англіи, какъ тяжелы для Россіи, восторжествовало въ сентъ-джемскомъ кабинетѣ. Опасность разрыва съ Россіей была отклонена.

Тѣмъ не менѣе, англійское правительство рѣшилось потребовать отчета отъ афганскаго эмира за его поведеніе съ Россіей. Вся тяжесть отвѣтственности пала на несчастнаго Шира-Али. Лондонскій кабинетъ рѣшилъ, что русское правительство не причастно къ дѣлу, но что надо предупредить дѣйствительными мѣрами возможность неврности со стороны своего *сосѣда и добраго дорогаго друга*, афганскаго эмира.

Въ августѣ прошлаго года англійское правительство рѣшило отправить въ Кабулъ съ чрезвычайнымъ порученіемъ г. Невилля Чамберленна. Ширъ-Али отказалъ этому посольству въ дозволеніи перейти границу. Англійскій посланецъ, съ своею многочисленною свитою, вынужденъ былъ вернуться назадъ. Афганскій эмиръ отвергъ и англійскій ультиматумъ, вслѣдствіе чего въ ноябрѣ началась война.

Послѣ многихъ мѣсяцевъ войны, во время которой эмиръ

Ширъ-Али умеръ и внутреннее состояніе Афганистана сдѣлалось крайне критическимъ и непрочнымъ, наслѣдникъ престола, Якубъ-ханъ, рѣшилъ подписать условія мира, предложенныя вице-королемъ, лордомъ Литтономъ.

Въ силу этого договора, Афганистанъ пересталъ существовать, какъ независимое государство. Эмиръ обязался вести свои сношенія съ иностранными государствами, согласно совѣтамъ и подъ непосредственнымъ надзоромъ Англіи (ст. 3). Англіійскій повѣренный, съ достаточнымъ конвоемъ и съ правомъ посылать агентовъ англіійскихъ на афганскую границу, будетъ имѣть свое пребываніе въ Кабулѣ, какъ постоянный дипломатическій представитель Англіи. Эмиру также дано право имѣть своего представителя въ Индіи (ст. 4).

На основаніи 5-ой статьи эмиръ обезпечиваетъ спокойствіе и должное уваженіе англіійскихъ агентовъ въ Афганистанѣ. Торговля сношенія между Афганистаномъ и Индіей имѣютъ быть установлены на основѣ спеціальнаго соглашенія. Наконецъ, долины Курума, Пиршинны и Сибри остаются во владѣніи Англіи, подъ условіемъ уплаты эмиру излишка доходовъ съ этихъ земель, остающагося за покрытіемъ расходовъ по ихъ администраціи. Англійское правительство должно осуществлять свою власть надъ проходами Хайберскимъ и Мишнскимъ, равно какъ надъ пограничными независимыми племенами въ окрестностяхъ, гдѣ находятся эти проходы.

Взамѣнъ всѣхъ этихъ уступокъ въ пользу англійскаго правительства, эмиръ будетъ получать отъ него ежегодную субсидію въ шесть лакъ-рупій (54,834 ф. стерл.), съ условіемъ вѣрно исполнять договоръ.

Таковы постановленія мирнаго договора, заключеннаго недавно между Англіей и Афганистаномъ. Въ настоящее время бесполезно изслѣдовать вопросъ, *можетъ ли* этотъ договоръ быть точно исполненъ нынѣ царствующимъ въ Кабулѣ эмиромъ? Быть можетъ было бы наивно полагать, что, заключая этотъ договоръ съ Афганистаномъ, Остъ-Индскій вице-король дѣйствовалъ единственно подъ влияніемъ той „гордости владѣнія и того инстинкта господства“, о которыхъ говоритъ герцогъ Аргайль и которые, по его мнѣнію, могутъ

повести къ самымъ крайнимъ излишества́мъ и наипася́йшимъ злоупотребленіямъ *).

Въ данную минуту мы не будемъ разсматривать ни политическаго значенія этого мирнаго договора, ни его обязательной силы для обѣихъ договаривающихся сторонъ. Безъ сомнѣнія, онъ долженъ имѣть огромное вліяніе на будущія отношенія между Англіей и Афганистаномъ. Если этотъ договоръ дѣйствительно будетъ исполненъ, Афганистанъ несомнѣнно обратится въ подвластную Англіи область. Вице-король Остъ-Индіи будетъ управлять Кабуломъ, какъ неограниченный властитель. Отсюда понятно значеніе этого мирнаго договора для существующаго положенія дѣлъ въ Средней Азій.

Сдѣлавшись англійскою областью, Афганистанъ поставитъ русскія владѣнія въ Азій въ непосредственное соприкосновеніе съ землями, состоящими подъ императорскимъ скипетромъ англійской королевы.

Такимъ образомъ, благодаря этому мирному договору, становится совершившимся фактомъ то непосредственное сосѣдство англійскихъ и русскихъ владѣній въ Средней Азій, которое многіе изъ англичанъ объявляли величайшей опасностью для Остъ-Индіи. По очень распространенному въ Англіи мнѣнію, земли кабульскаго эмира должны всегда оставаться нейтральными и служить какъ-бы „буфферомъ“ между Индіей и азіатскими ханствами, присоединенными къ Россіи.

И вотъ новая англійская политика въ Азій сбила этотъ „буфферъ“, разрушила эту преграду, устранила послѣднее препятствіе, задерживавшее прямое столкновеніе между Россіей и Англіей въ безводныхъ равнинахъ Азій. Какое неблагоразуміе! Какой промахъ со стороны англійскаго правительства!—воскликнуть противники лорда Биконсфилда. Какое отсутствіе дальновидности! какое преступное легкомысліе!—скажутъ тѣ англичане, для которыхъ, по выраженію герцога Аргайля, „зависть и страхъ передъ Россіей обратились въ мономанію“.

*) *Герцогъ Армайлъ*, The Eastern Question from the treaty of Paris 1856 to the treaty of Berlin 1878, and the second Afghan war. Лондонъ. 1879. Т. II-ой, стр. 217.

Разсматриваемый съ этой точки зрѣнія, мирный договоръ съ Афганистаномъ долженъ имѣть всѣ права на сочувствіе тѣхъ русскихъ, которые видятъ въ успѣхахъ русскихъ войскъ въ Средней Азіи не болѣе, какъ движеніе къ Индіи. Для нихъ поступательное и побѣдоносное движеніе нашихъ войскъ все болѣе и болѣе приближаетъ Россію къ той странѣ, которая составляетъ самое уязвимое мѣсто Великобританіи. Однако, въ Россіи найдется немного здравомыслящихъ людей, которые бы смотрѣли на англійскую Индію, какъ на конечную цѣль побѣдоноснаго движенія нашей арміи. Напротивъ, то мнѣніе, что эти завоеванія варварскихъ ханствъ въ глубинѣ Средней Азіи составляютъ очень тяжелое бремя для Россіи и что только крайняя необходимость не позволяетъ русскому правительству остановиться въ желанный моментъ,—это мнѣніе имѣетъ гораздо болѣе приверженцевъ въ Россіи, чѣмъ предыдущее.

Но справедливость требуетъ сознаться, что политика англійскаго правительства была одушевлена, въ эти послѣдніе годы, столь явнымъ недоброжелательствомъ по отношенію къ Россіи и что положеніе, занятое Англіей во время послѣдней войны на Балканскомъ полуостровѣ, было столь систематично враждебнымъ къ самымъ законнымъ требованіямъ и стремленіямъ русскаго народа, что даже тѣ изъ русскихъ, которые смотрѣли со страхомъ на успѣхи нашихъ завоеваній, свыклись съ мыслью о томъ, что можно будетъ когда-нибудь сдѣлать диверсію въ направленіи къ этой Остѣ-Индіи, столь дорогой англичанамъ. Понятно, почему даже тѣ русскіе, которые нисколько не приходятъ въ восторгъ отъ завоеваній русскихъ войскъ въ Средней Азіи, постепенно должны были освоиться съ мыслью, что встрѣча съ англичанами на берегахъ Инда и на вершинахъ Гиндукуша сдѣлалась неизбѣжной, что она предписывается неизмѣннымъ, естественнымъ закономъ.

Но, повторяемъ, это заключеніе есть только логическое послѣдствіе, съ одной стороны, англійской политики на Востокѣ, съ другой—того завистливаго страха къ Россіи, который обратился въ мономанію у англичанъ. Было бы въ высшей степени несправедливо приписывать шовинизму или воинственному духу русскаго народа мысль о томъ, что экспе-

диція въ Индію можетъ, когда-нибудь, сдѣлаться настоятельной необходимостью и неизбѣжнымъ долгомъ.

Въ силу этихъ взглядовъ, очень распространенныхъ въ Англіи и въ Россіи, кажется безспорно, что мирный договоръ, подписанный Якубомъ-Ханомъ, долженъ имѣть всѣ права на признательность приверженцевъ ожесточенной борьбы между этими двумя великими державами въ Азіи. Англійскіе руссофобы рады тому, что Афганистанъ обратился въ англійскую область и что мирнымъ договоромъ нанесенъ „смертельный“ ударъ обаянію Россіи въ Азіи; русскіе англофобы искренне благодарны правительству лорда Биконсфилда за то, что онъ разомъ сблизилъ англійскія владѣнія съ азіатскими землями, признавшими главенство Россіи. Крайности сходятся.

Однако, спрашивается, какое же изъ этихъ двухъ мнѣній, столь различныхъ въ своихъ исходныхъ точкахъ и столь согласныхъ въ своихъ конечныхъ выводахъ—истинное? Неужели справедливо, что борьба между Россіей и Англіей на берегахъ Инда—безусловная необходимость и неумолимая судьба? Дѣйствительно ли и неизбѣжно ли эти двѣ великія образованныя державы вынуждены неизмѣннымъ закономъ доставить дикимъ азіатскимъ народамъ печальное зрѣлище ожесточенной, беспощадной борьбы? Достойно ли европейской цивилизаціи, единственными представителями которой въ Средней Азіи являются Англія и Россія, вызывать наружу гнусные инстинкты азіатскихъ ордъ и пользоваться дикой ненавистью, которую питаютъ эти варвары ко всѣмъ христіанскимъ и образованнымъ народамъ? Надо серьезно подумать надъ вопросомъ: кто же въ концѣ концовъ получитъ выгоду изъ этой борьбы между Англіей и Россіей; которая же изъ этихъ двухъ державъ, оставшись побѣдительницей на поляхъ сраженій, будетъ въ силахъ удержать подъ своей властью всѣ азіатскіе народы и всѣ разбойничьи и дикія племена, съ помощью которыхъ она одержитъ побѣду?

Достаточно серьезно подумать надъ этими вопросами, чтобы убѣдиться, что борьба между Россіей и Англіей въ Средней Азіи будетъ огромнымъ несчастьемъ для обѣихъ странъ. Что касается насъ, то чѣмъ болѣе мы изучали положеніе дѣлъ въ Азіи, чѣмъ болѣе мы могли слѣдить за поступательнымъ

ходомъ русскихъ и англійскихъ завоеваній въ этой части свѣта; чѣмъ болѣе мы были въ состояніи углубиться въ мотивы русской политики и въ дѣйствительныя стремленія русскаго народа, тѣмъ болѣе мы убѣждались, что завоеваніе Индіи никогда не было *дѣйствительною* и *первоначальною* цѣлью русской политики, что война между Россіей и Англіей повела бы къ неисчислимымъ бѣдствіямъ для *обѣихъ* державъ и что только дикіе туземные народы извлекутъ *дѣйствительную* пользу изъ рѣшительныхъ побѣдъ, одержанныхъ одной стороной.

Исходя изъ этой точки зрѣнія, къ сожалѣнію до сихъ поръ не нашедшей справедливой и полной оцѣнки, мы осмѣливаемся выставить, какъ неопровержимое положеніе, что въ среднеазиатскомъ вопросѣ общіе интересы цивилизаціи совершенно тождественны съ особенными или національными интересами Россіи и Англіи: какъ тѣ, такъ и другіе рѣшительно требуютъ отъ обѣихъ великихъ державъ, чтобы онѣ отказались отъ всякаго мелкаго страха, отъ всякой ребяческой зависти и всякаго воинственнаго стремленія. Ихъ миссія въ Азіи налагаетъ на нихъ безусловную обязанность дѣйствовать въ общемъ согласіи относительно азіатскихъ земель; ихъ *истинные* и *дѣйствительные* интересы совѣтуютъ имъ протянуть другъ другу руку на вершинахъ Гиндукуна и мужественно защищать свои завоеванія, совершенныя во имя цивилизаціи и человѣчества; будущность Азіи и дальнѣйшая судьба ихъ владѣній обязываютъ ихъ никогда не терять изъ вида той высокой роли, которую предназначило имъ божественное Провидѣніе для блага полудикихъ и варварскихъ народовъ въ этой части свѣта.

Чѣмъ болѣе Англія и Россія будутъ проникнуты чувствомъ *солидарности* ихъ обоюдныхъ интересовъ, чѣмъ болѣе онѣ будутъ убѣждены, что отличительная черта цивилизаціи заключается въ духѣ *совмѣстной дѣятельности* (*l'esprit de coopération*) ради одной высокой цѣли, тѣмъ болѣе сдѣлаются прочными основы ихъ господства надъ азіатскими народами и станутъ болѣе дѣйствительными гарантіи всеобщаго мира въ Европѣ и въ Азіи.

Вотъ та точка зрѣнія, съ которой мы предполагаемъ бросить взглядъ на взаимныя отношенія Россіи и Англіи въ Средней